

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

Е.Н. Куликовская

Ленинградский государственный университет
имени А.С. Пушкина,
196605 г. Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация

Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения

В статье решается актуальная методологическая проблема разграничения перформативных, полуперформативных и неперформативных глаголов в заговорах, связанная с перформативным характером ритуала как коммуникативного акта. Была выдвинута гипотеза о функционировании в текстах заговоров глаголов, наделенных особой ритуальной семантикой, противопоставленных каноническим перформативам и неперформативным единицам в составе заговора. В целях удобства для данных лексем был принят термин «заговорный полуперформатив». Представление о полуперформативности дает возможность отыскать лексическое, глагольное ядро заговорной перформативности, не ограничиваясь глаголами с семантикой речевого действия и в то же время оставаясь в рамках лингвистического анализа.

Ключевые слова: перформативный глагол, заговор, каузативность, иллокутивная цель, адресат

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликовская Е.Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения // Рема. Rhema. 2021. № 1. С. 30–55. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

E. Kulikovskaya

Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Pushkin, 196605, Russian Federation

Semi-performative verbs in Russian charms: Criteria and definition

In this article I discuss the actual methodological problem of distinguishing between performative, semi-performative and non-performative verbs in charms, associated with the performative nature of the ritual as a communicative act. I propose a hypothesis of the functioning in charm texts of verbs endowed with special ritual semantics, opposed to canonical performatives and non-performative verbs in charms. For convenience, the term “charm semi-performative” was adopted for these lexemes. The idea of semi-performativeness makes it possible to find the lexical, verbal core of charm performativity, not being limited to verbs with the semantics of speech action and at the same time remaining within the framework of linguistic analysis.

Key words: performative verbs, Russian charms, causative, intentionality, illocutionary goal, addressee

FOR CITATION: Kulikovskaya E. Semi-performative verbs in Russian charms: Criteria and definition. *Rhema*. 2021. No. 1. Pp. 30–55. (In Russ.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-1-30-55

1. Введение

Текст заговора, заклинания (данные термины будут использоваться нами как синонимы) представляет собой перформативный текст, использующийся в ходе магического акта. В теориях ритуала ритуальная речь интерпретируется как особый вид речи, в которой звучащее слово приравнивается к действию, воспринимается как способное оказывать прямое, непосредственное влияние на действительность. В исследованиях заговора отмечалось, что он обладает свойством перформативности [Топоров, 1993, с. 7]. Развитие теории перформативности обусловило интерпретацию заговора как перформативного жанра.

Идея магической воздействующей силы слова нередко понимается как причина появления в языке многих перформативных высказываний [Тюпа, 2014, с. 107]. По Проскурину, культура предстает как сеть с перформативными высказываниями в качестве «узлов»: так, успешный вербальный перформатив является ядром ряда религиозных концепций [Проскурин, 2011, с. 25].

Широкая трактовка перформатива как действенного, эффективного воспроизведения какого-либо текста сближает перформатив и перформанс, позволяя осмыслить общность ритуала, театра, танца и других видов деятельности [Шехнер, 2020]. Семиотический подход к тексту делает возможным описание в качестве перформативов различных знаковых последовательностей, несводимых только лишь к вербальным действиям. Благодаря своей интегральной сущности перформативные исследования, поле которых вторгается в пределы философии, социологии, искусствоведения, культурологии и лингвистики, вносят серьезный вклад в изучение всех типов социальных взаимодействий и реальностей, возникающих в результате перформативов в каждой из сфер жизни (см., например: [Бурдьё, 2005, с. 102–103]).

В свете распространения в 2010–2020 гг. новых видов коммуникации, таких, как креолизованная интернет-коммуникация, в которой, как и в ритуале, сочетаются вербальный и невербальный планы [Ягодкина, 2019]; в свете лингвистического изучения маркетинговых текстов, которое в настоящее время находится на пике, и непрерывного развития данной области, постоянного появления на наших глазах новых стилей и школ рекламных суггестивных текстов и осмысления исследователями данных текстов как структурно и прагматически схожих с заговорами на основании перформативных признаков («Подобно рекламе, заговоры актуализируются при произнесении текста и ориентированы на немедленное достижение результата, являясь, таким образом, ярким воплощением тождественности слова и дела» [Четыркина, 2002, с. 221]); наконец, в свете вхождения во всеобщий обиход социальных сетей и связанного с этим вынесения самого магического дискурса в публичное пространство, где соответствующие тексты активно функционируют, а также интенсивного развития урбанистической фольклористики, изучения городских мифологических представлений и магических практик, влияния на них телевидения и интернета – в свете всего того, что обуславливает выход фольклора за пределы породившей его среды [Христофорова, 2012; Байдуж, 2016; Неклюдов, 2019], интерес к перформативности, перформативным жанрам и магическим текстам нельзя считать исчерпанным: ощущается необходимость в анализе

различных перформативных текстов, а также в специальных исследованиях заговора с точки зрения перформативности в структурном, лингвистическом, прагматическом, сравнительном и других возможных аспектах.

Итак, подход к магическому тексту как к базовому, «чистому» перформативу существенно обогащает, с одной стороны, теорию перформатива, с другой – исследования заговоров с точки зрения семантики и прагматики использующихся в них языковых средств.

В настоящее время исследуются различные аспекты заговорной перформативности на региональном материале: так, М. Вильякайнен объясняет перформативность заговора присутствием в нем коммуникативной личности заговаривающего [Viljakainen, 2011, с. 203], Д. Вукелич рассматривает хорватские уроки как перформативную речь [Vukelic, 2019, р. 69]; Д. Николич понимает заговор как перформатив в русле прагма-лингвистического подхода, с целью рассмотреть структуру обряда как ряд рациональных аргументативных техник для достижения желаемого эффекта [Nicolíć, 2019, р. 89].

Перформативность заговора как сакрально-ритуального акта обусловлена тем, что в нем соблюдаются перформативные конвенции (или «условия успешности») перформативного высказывания. Заговор не может быть истинным или ложным: однако он может быть успешным или неуспешным. Причем успешность определяется соблюдением некоторых условий: правильное место и время ритуала, личность заговаривающего, который наделен авторитетом «знающего» (см., например: [Христофорова, 2010; Мороз, 2012]). В качестве необходимых условий перформативности иногда называются вера в исполнение желаемого и адресованность: так, имя адресата – сверхъестественной силы, к которой обращается заговаривающий – называется в заклинании, но не называется в суде при требовании привести заклинание [Pomäki, 2019]. Результатом перформативного акта, по мнению заговаривающего, должно стать превращение желаемого в действительное: «Магические процедуры, как мы видим, имеют два логических хода. Первый ход – утверждение темы: вводится некое качество, метафорически поименованное знаком, создаваемым в процессе магического акта. Второй ход – перформативный акт, за счет которого утверждаемое качество присваивается объектам реального мира, что совершается за счет преобразования последних в иконические знаки, содержанием которых становится то же качество» [Адоньева, 2014, с. 395]. Понятая таким образом, ритуальная перформативность не ограничивается произнесением текста: текст может сопровождаться или полностью замещаться

действиями, вместо содержательного текста может произноситься так называемая «абракадабра», в которой единственным референтом являются сами слова [Meuser, Mirecki, 2002, p. 10], или использоваться магический перформативный объект [Strother, 2000].

Важнейшим подходом к изучению перформативности заговора является коммуникативный, или социально-интеракционный, подход. Перформативный ритуальный акт приводит к формированию определенной картины мира у участников интеракции за счет изменившейся коммуникативной установки, и заговор предстает в качестве одного среди многих вида ритуальной коммуникации, наряду с гаданием, литургией, профетивом, аутотренингом и пр. [Романова, 2001; Романов, Романова, Федосеева, 2013].

Вне теорий ритуала и анализа дискурса существует и иной метод изучения перформатива, заостряющий внимание на лексико-семантических характеристиках перформативного глагола, в частности, на особенностях его семантической сочетаемости, наличии у него определенных сем и пр. [Кошмидер, 1962; Апресян, 1986; Красина, 1999; Кустова, Падучева, 2003; Михеев, 2003; Нлебес, 2015]. Именно перформативный глагол является ядром перформативного высказывания-действия. Этот тезис неоднократно доказывался: так, П. Амрейн на материале результатов эксперимента показывает, что понимание речевого акта напрямую зависит от понимания интенции говорящего, выраженной глаголом [Amrhein, 1992, p. 780]. Под перформативным глаголом, как правило, имеется в виду глагол в 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. залога изъяв. накл., обладающий семантикой речевого действия и называющий речевой акт. Такие перформативы получили название эксплицитных (канонических).

Учитывая вышесказанное, мы можем описать заговор как область пересечения коммуникативной и лексико-семантической перформативности. С одной стороны, при помощи заговора, вне зависимости от его семантики, действие не описывается, а совершается; с другой стороны, в заговоре широко распространены канонические, особенно директивные, перформативные глаголы, эксплицирующие речевое действие, совершаемое посредством заговора. Перформативность как категория лексикализуется в заговорах при помощи глаголов в перформативной форме. Исследование семантики заговорных перформативных глаголов способно стать важнейшим шагом на пути к всестороннему описанию перформативности заговора.

Однако при рассмотрении перформативных глаголов в заговорах мы сталкиваемся с серьезной методологической проблемой. Е.Е. Левкиевская отмечает, что в заговорных текстах нередко встречается «использование в качестве перформативов таких глаголов, которые в обыденной

речи перформативами не являются» [Левкиевская, 2002, с. 224]. Так, произнося: *Я сваю скаціну злезным тынам заграждаю* (бел.), заговаривающий не описывает свои действия, а совершает их. Употребляя неперформативные (не имеющие значения речевого действия) глаголы в эксплицитной форме, говорящий, тем не менее, не констатирует факт действия, а реализует апотропейческую функцию слов. Это же наблюдение делает М.В. Завьялова: «формой настоящего времени..., как правило, бывают выражены действия самого заговаривающего, реализующего желаемое действие в настоящий момент. Эти действия представляют собой в основном перформативные глаголы: *Змяя Шкурпея, усіх цяпер – і жарых, і рабых, і ярых – усіх цяпер я дамауляю, выгавараваю: выбер зубі* (Замовы, № 335, ад змей); *Загаварую чэлюшчы-прашчуршыны... Ссылаю на мхі, на балата, на ніцыя лозы, там, дзе сабакі не брахалі і сарокі не шчакаталі* (Замовы, № 405, ад гадзюкі); *Рожа-рожа, ты не прыгожа, ідзі ты на мхі, на балоты, на гнілыя калоды, на ніцыя лозы, на сцюдзёныя росы, на быстрыя воды. Я цябе словам убіваю* (Замовы, № 710, ад рожы)» [Завьялова, 2006, с. 70]. Соответственно, в заговорах границы перформативного глагола расширяются: в качестве перформатива понимаются не только эксплицитные глаголы, но и такие глаголы, как *ссылаю, убиваю* и др. Проблема, которую мы видим, связана с определением критериев выборки перформативных глаголов для последующего изучения. Решение этой проблемы явилось целью данной работы.

Для достижения цели нам понадобилось выполнить следующие задачи:

- 1) разграничить эксплицитные и неэксплицитные перформативные глаголы, использующиеся в заговорах;
- 2) отделить неэксплицитные перформативные глаголы от констативных глаголов в перформативной форме;
- 3) выявить и описать основы для формулирования семантических критериев неэксплицитной перформативности.

Мы придерживались традиционного понимания эксплицитного перформативного глагола как употребленного в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл., называющего речевой или социально-институциональный иллокутивный акт. Мы исследовали также неперформативные глаголы в той же форме. Необходимо отметить, что заговорная перформативность несводима к данным глагольным формам и включает в себя другие временные, а также неличные формы.

Перформативность заговора обеспечивается выполнением условий успешности перформативного высказывания, а также представлением о воздействующей силе заговорного текста: грамматическая форма первого лица, как и в случае канонических перформативов в обыденной

речи, эксплицирует цель высказывания и соотносит его с настоящим моментом и лицом. Именно с точки зрения экспликации цели заговора формы 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. представляют наибольший интерес. Данные формы представляют собой модель перформативного высказывания, которое, безусловно, функционирует и в других вариантах [Кустова, Падучева, 2003]. В данной статье в центре нашего внимания находится именно эксплицитная перформативная форма: мы не затрагиваем, в частности, формы императива, которые, согласно некоторым исследователям, представляют собой скрытые перформативы (так, уже у Э. Бенвениста было предпринято разграничение императива и перформатива [Бенвенист, 1974, с. 309]). Это ограничение принято нами для удобства решения сформулированной проблемы, заключающейся в построении семантической классификации. Грамматический критерий и значимость эксплицитной формы рассматривается нами за пределами данной работы.

Материалом послужила выборка глагольных лексем в указанных формах объемом 367 единиц, выполненная из сборников «Великорусские заклинания» В. Майкова [Майков, 1869] и «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры» [Болонев и др., 1997]. Использовались только заговорные тексты.

Классификация была проведена нами по следующим направлениям:

- 1) каузативность;
- 2) иллокутивные характеристики;
- 3) адресованность.

2. Обоснование критериев выделения полуперформативных глаголов в заговорах

2.1. Каузативность

Перформативность и каузативность являются достаточно близкими категориями. В широком смысле каузативность можно понимать как функционально-семантическую категорию, объединяющую языковые единицы, функция которых «заключается не в передаче знаний, не в утверждении или отрицании чего-либо, а в побуждении к какому-либо действию или изменению состояния объекта» [Шустова, 2010]. Методом выявления семантики каузативности является каузативная перифраза: (1) «делать так, что» + (2) «некоторая ситуация возникает (или существует)» или «делать так, что некоторая ситуация начинает иметь место или имеет место». Каузативы могут выполнять две функции: дескриптивную и перформативную, при этом перформативной функцией обладают некоторые каузативы с семантикой речевого действия, дескриптивной же обладают все без исключения каузативы [Корди, 1985; Шустова, 2010].

В интерпретации категории каузативности мы следуем подходу С.В. Шустовой, которая подразделяет каузативы на информационно-модифицирующие, модифицирующие физическую сферу, физическое состояние, психическую, эмоционально-волевую, перцептивную сферы. Согласно Шустовой, некоторые информационно-модифицирующие глаголы имеют перформативное употребление. Это канонические перформативы, в которых семантический признак «способ каузации» представлен семьей «речевая каузация». Таков, например, каузатив *отрицаю* в примере *Я не в первый раз отрицаю это обвинение* употреблен дескриптивно, а в примере *Я отрицаю это обвинение* – перформативно.

Существуют каузативные информационно-модифицирующие глаголы, перформативное употребление которых равносильно иллюкутивному самоубийству и потому недопустимо: например, *убеждать* или *подтверждать*.

Таким образом, знак равенства между перформативами и каузативами невозможен. Тем не менее, каузативность часто сближается с перформативностью. Каузативность подразумевает создание некоторой новой ситуации; перформативность также связана с актом перехода от ситуации 1 к ситуации 2, однако в случае перформативности эта новая ситуация реализуется непосредственно в коммуникативном пространстве речевого акта. По А.А. Романову, несмотря на то, что «перформативность не определяется конструктивными свойствами высказываний или семантикой перформативного глагола» [Романов, 1984, с. 92], перформативные признаки, тем не менее, могут быть выделены в качестве сем эксплицитности, локутивности, акциональности и результативности [Романов, 1987, с. 3–4], при этом акциональность «находится в тесной связи с каузативным характером ПГ (перформативного глагола. – Е.К.)» [Там же], который отличается от других, неречевых каузативов инструментальной природой каузации. Инструментальный характер речевой каузации определяет конкретный способ воздействия говорящего на адресат [Там же].

Наличие у глагола, употребленного в перформативной ситуации, признака каузативности может рассматриваться в качестве критерия для выделения таких глаголов в особую группу ядерных лексем в составе заговора, в которых эксплицируется иллюкутивная функция заговора.

Каузатив перформативизируется в том случае, если говорящий совершает воздействие с целью изменения непосредственно при помощи речи и в момент речи. В заговорах происходит именно это, но существует важное отличие перформативных каузативов с любой семантикой в заговорах и тех же глаголов в обыденной речи. Если каузатив

употреблен перформативно в обыденном общении, то он выполняет информационно-модифицирующую функцию: новая ситуация, создаваемая каузативом, связана с изменением информационных установок участников коммуникации. Функция заговорных перформативных каузативов иная: ее можно назвать креативной, как и функцию всего заговора [Левкиевская, 2002], поскольку большинство заговоров, за счет реализации в них магической функции языка, имеют в качестве интенции прямое непосредственное влияние на окружающую действительность:

- (1) *Гоню я въ избу свою молодцовъ, не воровъ, наѣзжайте ко мнѣ женихи съ чужихъ дворовъ* [Майков, 1869, с. 25].

В заговоре информационно-модифицирующее слито с креативным. Граница между изменением информационной установки и, например, излечением болезни крайне зыбкая. Одно перетекает в другое, чем обеспечивается суггестивность заговора:

- (2) Так же раб (имярек) беру ту же калену лукову стрелу и *состреливаю* с раба (имярек) порчу: с его тела, с его крови, с его легкой печени, с семидесяти семи жил, с семидесяти семи суставов на пни, на колоды, на зыбучие болота [Болонев и др., 1997, с. 462].

Вера в то, что символические действия, называемые каузативными глаголами, ведут к действительному изменению ситуации, заставляет обращаться к заговорам снова и снова, за счет чего русская заговорная традиция продолжает жить и по сей день.

Анализ заговорных глаголов в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. зал. изъяв. накл. при помощи каузативной перифразы показал, что эти глаголы можно разделить на обладающие каузативной семантикой и не обладающие каузативной семантикой.

Эксплицитные перформативные глаголы в заговорах являются каузативами (кроме глагола *говорю*, однако его употребление зафиксировано в качестве синонима *заговариваю*). Помимо директивов *прошу*, *молю*, *умоляю*, *приказываю* и глаголов, обозначающих социально-институциональные акты, таких, как *клянусь*, *отрекаюсь*, *отлучаю*, *кланяюсь*, в заговорах распространены канонические перформативы с ритуально-магической семантикой, называемые иллокутивный акт заговора, представляющие собой приставочные образования с семантикой результата: *заговариваю*, *выговариваю*, *отговариваю*, *уговариваю*, *приговариваю*, *наговариваю*.

Что касается неперформативных заговорных глаголов, то они могут как обладать, так и не обладать семантикой каузативности. Обладающие

семой каузации глаголы называют основное ритуальное действие, ведущее к конечному или промежуточному результату. Среди них также распространены приставочные образования несовершенного вида, имеющие коррелят совершенного вида: *прирываю, покрываю-ся, вытатываю, загрызаю, прикальваю, перерубаю, выгоняю, высылаю, погоняю, выкуриваю, запускаю, сдуваю* и т.д. Не обладающие семантикой каузативности глаголы, как правило, представляют собой лексемы со статальной семантикой или глаголы, не имеющие семы результата, зачастую десемантизированные, или глаголы восприятия, интеллектуальной деятельности: *стою, сижу, начинаю, смотрю, вижу*.

Перечисленные глаголы, не обладающие семой каузации, безусловно, также выполняют перформативную функцию в составе заговора, однако весьма опосредованно, в составе нарративной части заговора, как правило, в качестве зачина; каузативные же глаголы называют ритуальный иллокутивный, пусть и неречевой, акт. Чтобы избежать терминологического смешения, для таких глаголов мы использовали термин «заговорный полуперформатив». Полуперформатив следует отличать не только от неперформатива, но также и от квазиперформатива – перформативного глагола в перформативном употреблении, но в грамматической форме, отличной от эксплицитной (см., например: [Кустова, Падучева, 2003]). Выбрав термин «полуперформатив», мы следуем определению, данному в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», которое гласит, что полуперформативные глаголы – это «принципиально неперформативные глаголы, которые в форме 1 л. ед. наст. несов. изъяв. при обращении к адресату в определенных прагматических условиях приобретают некоторые черты перформативов» [Новый словарь синонимов, 2004, с. 40]. Заговор предоставляет эти прагматические условия. Необходимо отметить, что, традиционно используя данный термин, мы не имеем в виду «большей» или «меньшей» перформативности тех или иных элементов заговора: отделив полуперформативные глаголы от перформативных и неперформативных, мы преследуем типологическую цель, достижение которой путем описания и анализа конкретного материала позволит лучше понять структуру и семантику заговора.

Мы описали первый критерий, позволяющий нам классифицировать заговорные глаголы в эксплицитной грамматической перформативной форме. Данные глаголы подразделяются на следующие группы:

- 1) эксплицитные перформативные глаголы-каузативы;
- 2) полуперформативные глаголы-каузативы;
- 3) неперформативные некаузативные глаголы.

За счет каузативного анализа наше описание заговорной перформативности расширилось до неперформативных каузативных глаголов, которые мы назвали заговорными полуперформативами. Однако семантическая специфика заговорных полуперформативов не исчерпывается семей каузации. Для лучшего понимания феномена полуперформативности необходимо привлечь и другие критерии.

2.2. Иллокутивные характеристики

Еще одним свойством, объединяющим категории каузативности и перформативности, является интенциональность. Выделенные нами для исследования перформативные и полуперформативные глаголы относятся к глаголам интенциональным, т.е. содержащим информацию о намерении говорящего. Для нас существенным является разграничение интенциональности как коммуникативного намерения и глобальной интенции, выполненное Дж. Сёрлем [Сёрль, 1987, с. 96]. Глобальная интенция представляет собой направленность на реальный мир, связанную с волей, чувствами, эмоциями говорящего. Интенциональность как коммуникативное намерение «представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего» [Мощева, 2015, с. 41].

С понятиями глобальной интенции и интенции-намерения сопряжены следующие важные понятия: иллокутивный акт, иллокутивная цель, иллокутивная сила. Под иллокутивным актом мы подразумеваем акт, отличающийся от локутивного своей интенциональностью и конвенциональностью. Иллокутивный акт невозможен без направленности, лежащей за пределами высказывания: проекция (экспликация) данной направленности называется иллокутивной силой (см., например: [Романов, 2006]). Иллокутивная цель же представляет собой выражение коммуникативного намерения говорящего или интенции, имеющей отношение к доязыковой фазе общения [Василина, 2005, с. 45].

Доязыковой фазой заговорного текста является некая потребность, имеющая типический, универсальный характер и не принадлежащая говорящему как индивидууму. Глобальная интенция заговора связана с дестабилизацией человека в социальной и пространственно-временной сети, приведшей к возникновению страдания, и с желанием это страдание устранить [Адоньева, 2020, с. 21]. Коммуникативное намерение в самом общем виде может быть сформулировано как стремление к исполнению желаемого посредством слова: «заговорить» болезнь, нужду, тоску и т.д. Как отмечают П.М. Джонс и Л.Т. Олсан, иллокутивная сила заговора создается посредством аккумуляции всех актов такого же типа, предшествующих данному [Jones, Olsan, 2015, p. 409]. Иллокутивная

сила определяет вид заговора и, как правило, в изданиях формулируется в комментарии к заговору: «от порчи», «от грыжи», «присушка», «отсушка» и пр. Иллокутивными целями заговоров будет соответственно «снятие порчи», «исцеление от грыжи», «вызывание чувства любви», «избавление от чувства любви» и т.д.

Способ достижения иллокутивной цели осмысляется в причинно-следственных категориях традиционной культуры и подразумевает некое ритуальное действие, исполняемое без текста, с текстом или представляющее собой только произнесение текста. Соотнеся иллокутивную цель рассмотренных нами выше перформативных каузативов с иллокутивной целью заговорных текстов, в которых данные каузативы встречаются, мы можем увидеть, что анализируемые глаголы разбиваются на следующие группы.

1. Глаголы, иллокутивная цель которых является способом достижения цели заговора

Выделенные нами полуперформативы относятся именно к этой группе. Полуперформатив метафорически или метонимически называет способ достичь желаемой цели и реализовать глобальную интенцию – устранить страдание, нужду, недостачу. Сама цель при этом не называется:

- (3) Уроки, пригады, посмеща, и коли, и боли, и притчи, и падчи
я *высылаю* за крутые горы, глубокие мори, где быдло не ходит,
где певень голос не доносит [Болонев и др., 1997, с. 391].

В качестве способа избавиться от нужды является высылание ее причины в топос, где нарушен нормальный миропорядок, именно это осуществляется посредством произнесения полуперформатива *высылаю*.

- (4) Нож в землю *втыкаю* – злым людям и колдунам язык *подрезаю*
[Болонев и др., 1997, с. 397].

Здесь достижение цели осуществляется в два этапа: произнесение глагола, обозначающего символическое ритуальное действие (вне зависимости от того, втыкает говорящий нож в землю в действительности или нет), и метафорическое толкование этого действия. Апотропеическая цель – защита от колдунов – может быть достигнута, если колдуны будут обезврежены, а обезвреживание, в свою очередь, становится возможным, если будет нанесено повреждение самому опасному оружию колдуна – языку.

2. Глаголы, цель которых равна цели заговора

В отличие от глаголов первой группы, эти глаголы называют не способ, а саму цель. Мы также относим их к полуперформативам. Представляется, что различие между этими двумя группами не столь важно, т.к.

и те, и другие глаголы являются, по сути, перформативно употребленными констативами со значением ритуального действия. Существенная особенность заключается в отсутствии у глаголов данной группы метафорического значения:

- (5) А я, раб Божий (имярек), *заряжаю* свое калено ружье сизым-черным порохом, селитрой и пулей свинцовой [Болонев и др., 1997, с. 292].

Зарядить ружье – не способ достижения цели, а сама цель этого заговора. Сопровождая процесс подготовки оружия заговором, охотник не достигает никакой иной цели посредством ритуального действия. Заговор (правильнее называть его приговором) служит лишь для придания большего значения совершаемому действию.

3. Глаголы, цель которых равна цели отдельного речевого акта в составе заговора, но не цели всего заговора

К этой группе относятся почти все эксплицитные заговорные перформативы.

- (6) Мать ты моя, вечерняя звѣзда, *жалуюсь* я тебѣ на двѣнадцать дѣвиць, на Иродовыхъ дочерей [Майков, 1869, с. 52].

Перформативный глагол *жалуюсь* вводит иллюкутивный акт жалобы, обладающий собственной иллюкутивной целью, которую по отношению к цели всего заговора можно назвать микроцелью. Эксплицитные перформативы в составе заговора служат для моделирования некоей коммуникативной ситуации, в которой высказывается определенное пожелание, и далее, в зависимости от достижения микроцели и готовности виртуального, мифологического адресата исполнить желаемое, достигается основная цель заговора:

- (7) *Молюся* тебѣ, святой пророче Божій Ілія, пошли тридцать ангеловъ въ златокованномъ платѣѣ, съ луки и стрѣлы, да отбиваютъ и отстрѣливаютъ отъ (имя рекъ) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топучія болота, и встрѣчно и поперечно, стамово и ломово – на молоду, на ветху и на перекофъ мѣсяцѣ [Там же, с. 83].

Микроцель выражена эксплицитным перформативным глаголом *молюся*, вводящим акт с иллюкутивной силой мольбы. Далее, при помощи конструкции «да будет так» формулируется способ достижения основной цели заговора – защиты от болезней.

В рассмотренном разграничении кроется второй критерий, позволяющий отличить полуперформативный глагол от канонического. Однако здесь имеются исключения:

- (8) *Еду* я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места по утренним зорям и вечерним закатам, *умываюсь* медной росой, *утираюсь* солнцем, *облекаюсь* облаками, *опоясываюсь* чистыми звездами и *еду* я, *еду* [Болонев и др., 1997, с. 336].

Иллокутивные акты в этом примере также ведут к микроцели – подготовке говорящего к основной части ритуала. Как правило, это полуперформативные глаголы с семантикой очищения, помещения (преимущественно покрытия, открытия, закрытия, одевания), а также движения и перемещения. Их функция обуславливает и их композиционное положение – зачин или закреп:

- (9) *Закрываю, замыкаю* все слова сполна [Там же, 1997, с. 343].

Итак, мы видим, что к данной категории могут относиться не только эксплицитные, но и полуперформативные глаголы, обладающие особой семантикой, обуславливающей их положение в зачине или в закрепе.

4. Глаголы, цель которых равна коммуникативному намерению заговаривающего

- (10) *Заклинаю* вы, трясавицы, иже семь сестрь дневныя и три дневныя, и они вси нудя раба Божія (имя рекъ) крестьянска, чтобы естя отъ него отошли вси отсель не и мѣсте власти ни мучити, престали бы естя, *заклинаю* же васъ Богомъ живымъ, Богомъ истиннымъ, Богомъ святымъ, чтобы естя отошли отъ сего раба Божія (имя рекъ) крестьянска во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь [Майков, 1869, с. 47].

Рассматриваемая группа представляет собой своеобразное исключение. Глаголы *заговариваю*, *заклинаю* в значении ‘осуществляю магическое воздействие’ (здесь не рассматриваются иные значения этих слов) являются каноническими, обозначающими речевое действие перформативами. В то же время они отличаются ограничениями узуса: используя перформативно за пределами ритуально-магической речи, они трансформируют дискурс, превращая произносимый текст в ритуальный. В их лексической семантике в самом общем виде выражается коммуникативная цель – «заговорить, заклясть».

Приведем еще несколько примеров, чтобы проиллюстрировать сказанное:

- (11) ...*наговариваю, отговариваю* рабъ Божій (имя рекъ) изъ костѣй, изъ мощей, изъ жилъ, изъ поджилковъ, изъ состава, изъ полусостава, изъ буйной головы, изъ реберной кости, изъ горючѣй крови, изъ тощаго живота, изъ дробныхъ кишокъ [Майков, 1869, с. 71].
- (12) *Отговариваю* (имя рекъ) отъ колдуна и колдунницы, отъ чернаго и черемнаго, отъ бѣлаго и русаго, отъ дѣвки самокрутки, отъ бабы простоволоски [Там же, 1869, с. 93].
- (13) *Оговариваюсь* я, рабъ Божій (имя рекъ), животворящую божественною молитвою, и оговариваюсь животворящимъ крестомъ, и тридевятъ тынами желѣзными, и замыкаюсь словами евангельскими, и покрываюсь облаками небесными, и становлюсь противъ судей и командировъ, и припаль къ матери сырой землѣ [Там же, 1869, с. 150].
- (14) *Высылаю-выговариваю* с рабы Божией (имярек) нечистую силу [Болонев и др., 1997, с. 396].

Таким образом, изучая интенциональность заговорных глаголов, мы приходим к вышеприведенной классификации. При ее построении различаются:

1) глобальная интенция, представляющая собой основной мотив, психологическую причину, которая заставляет заговаривающего обратиться к магическому ритуалу как способу решения проблемы;

2) частная интенция как коммуникативное намерение, с которым производится целостный акт заговора;

3) иллокутивная сила заговора как проекция иллокутивного акта на заговор как речевое произведение;

4) иллокутивная сила отдельных иллокутивных актов, входящих в состав заговора;

5) иллокутивная цель заговора как целостного произведения;

6) иллокутивная цель отдельных иллокутивных актов, входящих в состав заговора как способ достижения цели заговора и реализации глобальной интенции;

7) иллокутивная цель перформативного или полуперформативного глагола как функция-потенция, заложенная в семантике глагола.

Полу- и эксплицитные перформативы разграничиваются исходя из соотношения между целью заговора и целью глагола: полуперформатив, как правило, выражает способ достижения основной цели заговора, а эксплицитный перформатив, за некоторыми исключениями, — частной цели или микроцели речевого акта, входящего в состав заговора.

2.3. Адресованность

Адресованными являются все акты обращения к адресату, используемые в заговоре, вне зависимости от того, используются в них перформативные, полуперформативные или неперформативные глаголы. Вместе с тем, как указывает Д. Войводич, перформативные глаголы сами по себе, наряду с другими переходными глаголами, обладают транзитивностью, объектной интенцией [Войводич, 1999, с. 74]. Отметим, что, поскольку данная валентность для большинства перформативных глаголов обязательна, эксплицитное выражение ее при помощи местоимения не является необходимым. При выражении же местоимением передается именно значение адресата коммуникативного акта [Там же]. Канонические перформативы имеют обязательную семантическую роль адресата, который, в случае реализации успешного перформатива, принадлежит к «Ты-категории». Как отмечает Ю.Д. Арутюнова, большинство речевых актов в теории Остина-Вендлера являются строго адресованными [Арутюнова, 1981]. Изменение лица местоимения, замещающего семантическую позицию адресата, приводит к констативизации перформатива:

Я приказываю (вам/тебе) удалиться (перформатив) –

Я приказываю ему удалиться (пояснение, констатив);

Я прошу (вас/тебя) помочь – Я прошу его помочь.

Итак, в исследованиях адресованности перформатива подчеркивается направленность его на слушателя [Россолова, 2011]. Канонический перформатив адресован участнику (одному или нескольким) коммуникативного акта. Не будучи адресованным подобным образом, перформатив утрачивает перформативные характеристики. Успешность иллокутивного акта (перлокутивный эффект) с каноническим перформативом зависит от реакции и последующих действий адресата.

Заслуживает внимания различие в характере адресата у иллокутивных и перлокутивных перформативных глаголов. Иллокутивные глаголы обнаруживают коммуникативное задание (см. об этом [Арутюнова, 1981]). Подчеркнем еще раз, что реализация этого коммуникативного задания зависит от адресата, от его желания/возможности выполнить то действие, которое необходимо адресанту.

В проанализированном материале обнаружены следующие глаголы, обладающие данным типом адресованности: *молюсь(-ся), призываю, вызываю, выкликаю, прошу, молю, умоляю, приказываю, поминаю, прибегаю, корюсь, кланяюсь.*

В обыденной речи данные глаголы адресуются, как уже было сказано выше, одушевленному участнику коммуникации, способному принять

активное участие в общении. В заговорах, однако, дело обстоит несколько иначе.

Большинство канонических перформативов в заговорах (все иллокутивные глаголы) направлены на виртуального адресата, эксплицируя речевой акт обращения к воображаемому, мифологическому персонажу. Выбор речевого акта обусловлен представлением об этом персонаже, бытующим в культуре, в то же время посредством речевого акта образ персонажа конструируется. Определяются не только типические черты персонажа, но и иерархические отношения между ним и заговаривающим. Так, мольба, просьба, молитва, поклон употребляются при обращении к безусловно положительному образу: Богородице, святым, звезде:

- (15) *Молюся* тебѣ, святыи пророче Божій Илія, пошли тридцать ангеловѣ въ златокванномѣ платѣѣ, съ луки и стрѣлы, да отбивають и отстрѣливають отъ (имя рекъ) уроки и призоры, и притки, щипоты и ломоты, и вѣтроносное язво, туда, куда крылатая птица отлетаетъ, на черныя грязи, на топучія болота, и встрѣчно и поперечно, стамово и ломово – на молоду, на ветху и на перекроѣ мѣсяцѣ [Майков, 1869, с. 83].

Обращаясь к отрицательному персонажу (змеиной царице, персонажам болезней), говорящий справляется со страхом, ставя себя выше этого персонажа, употребляя форму приказа:

- (16) (к змее) Я тебе *приказываю*: – Иди, приведи мне мать с отцом, братьев и сестер, и всех детей! [Болонев и др., 1997, с. 298].

Заговорные перформативные глаголы, имеющие обязательную валентность, заполняемую актантом с семантическую ролью адресата, мы обозначили как имеющие адресатную направленность. В заговорах данные перформативные глаголы совпадают с иллокутивными глаголами. В материале отсутствуют примеры употребления подобных перформативов, направленных адресату какого-либо другого типа (реальному собеседнику), поэтому мы назвали рассмотренный тип адресата воображаемым, или виртуальным.

Другой тип адресованности представляют перлокутивные глаголы: *заговариваю, уговариваю, отговариваю, приговариваю, наговариваю, выговариваю, заклинаю, отлучаю*.

Наибольший интерес вызывают типично заговорные глаголы: *заговариваю* и его дериваты (*уговариваю, выговариваю, наговариваю* и т.д.), а также *заклинаю* (в значении ‘подвергаю магическому воздействию’). Их исключительность проявляется и здесь, что связано, как мы уже

выяснили, с особенностями их каузативной семантики. Будучи перформативами речевой деятельности, они каузируют не информационную модификацию, а напрямую направляются на одушевленный или неодушевленный объект. В отличие от других заговорных эксплицитных перформативов, *заговариваю* может использоваться применительно к реальному участнику коммуникации (например, больному). Синтаксическая позиция актанта замещается прямым дополнением. При этом результатом каузации должно, по мнению говорящего, явиться не воздействие на сознание, а изменение состояния другого лица (можно предположить, что воздействие осуществляется на бессознательном уровне). Такой адресат уже не является адресатом в полной мере – скорее, он представляет собой пациенс, или одушевленный объект воздействия. Такое же воздействие может осуществляться на неодушевленный объект или на самого заговаривающего (возвратные формы).

В этом *заговариваю* сближается с другими заговорными перлокутивными глаголами (*отрекаюсь, отлучаю*), являющимися глаголами речевого/социального действия. В случае этих перформативов один актант совмещает в себе роли объекта и адресата: он воспринимает некую информацию и одновременно подвергается некоторому воздействию, которое не ограничивается убеждением или внушением.

Такой тип адресованности мы назвали адресатно-объектным.

Наибольший интерес представляют глаголы, в семантике которых отсутствует компонент речевого действия/воздействия:

- (17) Рожа синяя, рожа белая, красная рожа, желтая рожа, подуманная рожа, погаданная рожа, замоченная рожа, заветрянная рожа, огневая, я тебя *выгоняю, выкуриваю, вытаптываю*. *Выгоняю* из рабы Божьей (имярек) [Болонев и др., 1997, с. 443].

Несмотря на то, что в заговоре глаголы *выгоняю, выкуриваю, вытаптываю* адресуются болезни, которая предстает в виде живого существа, такой адресат является лишь номинальным. Болезнь не является участником коммуникации, способным услышать сообщение и отреагировать на него: она выступает как объект, над которым осуществляется действие.

Наиболее наглядно это можно увидеть в примерах, в которых воздействие направляется на объект, который даже гипотетически не мыслится как одушевленный:

- (18) *Утверждаю* поклажу сію на камнѣ Алатырѣ, замокъ *отмыкаю* въ небѣ, ключъ въ морѣ [Майков, 1869, с. 109].

От реакции адресата перлокутивный эффект здесь не зависит совсем: адресат как таковой в этих высказываниях отсутствует, а глаголы

в эксплицитной перформативной форме выражают желаемое событие, которое, посредством перформативного акта, превращается в действительное: в результате речевого акта болезнь «становится изгнанной», поклажа – «утвержденной», замок – «отомкнутым».

Направленность таких глаголов мы назвали объектной. В заговорах это следующие глаголы преимущественно физического воздействия на объект: *выгоняю, погоняю, гоню, высылаю, стрелю, состреливаю, отсекаю, рублю, перерубаю, секу, укрощаю, выкуриваю, парю, загрызаю, грызу, закальваю, сажу, запускаю, черпаю, утверждаю (утверждаю), заламываю, приламываю, прирываю, кладу, отпираю, окружаю, ограждаю, заряжаю, зарываю, топчу, колю, втыкаю, сдуваю, вытпываю, прикальваю, беру, укрепляю, отмываю, заключаю, отпускаю.*

Автонаправленность полуперформатива также формируется за счет магической функции языка. Заговаривающий не вступает с собой во внутренний диалог, как не вступает он в диалог с объектом заговаривания, а производит над собой воздействие, приводящее к самотрансформации:

- (19) Заговоромъ я *заговариваюсь*, желѣзнымъ замкомъ *запираюся*, каменнымъ тыномъ *огораживаюсь*, водой ключевой *прохлаждаюся*, пеленой Божіей Матери *покрываюся* [Майков, 1869, с. 158].

Автонаправленные полуперформативы одновременно и перемещают говорящего в сакральный модус, и обеспечивают защиту в символическом, мифопоэтическом пространстве, являющемся для человека чужим.

Подобные глаголы, представленные в заговорах лексемами *отрекаюсь, предаюсь, оговариваюсь, заговариваюся, огораживаюсь, ложусь/ложуся, умываюся, утираюся, одеваюся, облакаюся, замыкаюся, прохлаждаюся, вооружаюся, справляюся, опоясываюся, крещусь, пособляюся, помогаюся*, мы назвали автоадресованными. Эти глаголы распределяются между адресатно-объектным типом и объектным типами адресованности.

Мы видим, что существует два полюса адресованности заговора: адресатный и объектный. Можно проиллюстрировать это при помощи схемы (рис. 1).

Из эксплицитных перформативов иллюкутивные глаголы находятся ближе к адресату (носящему виртуальный характер), перлокутивные глаголы могут быть направлены на виртуального адресата или самого говорящего. *Заговариваю* и его дериваты направляются как на объект, так и на адресанта. Направленность на объект, отсутствие такого важного

признака перформативного высказывания, как адресат, являющийся участником коммуникации/автокоммуникации, может считаться одним из критериев полуперформативного глагола.

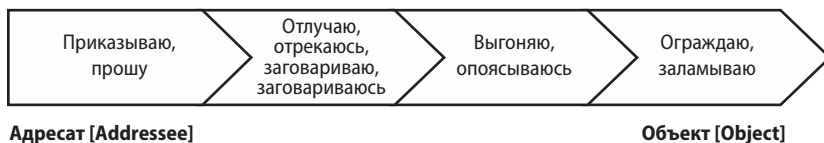

Рис. 1. Полюсы адресованности заговора

Fig. 1. Poles of charm Addressness

3. Заключение

Выдвинутая нами гипотеза о существовании и функционировании полуперформативных глаголов в заговорах как особых перформативных единиц, противопоставленных эксплицитным перформативам и периферийным перформативным единицам, полностью подтвердилась. Предложенные критерии каузативности, иллокутивных параметров и адресованности позволяют выделить полуперформатив как отдельную лексему, являющуюся ядром перформативного акта заговора. Заговорный полуперформативный глагол мы понимаем как перформативно употребленный неперформативный глагол в форме 1 л. ед. ч. наст. вр. действ. залога изъяв. накл. Перформативность таких глаголов обуславливается самим характером дискурса ритуальной коммуникации, в которой совершаемые действия осмысляются как оказывающие буквальное, прямое воздействие на реальный мир.

Полуперформативы характеризуются следующими признаками.

1. Каузативная семантика, которая противопоставляет полуперформативные перформативным глаголам в составе заговора как глаголы, в семантике которых имеется воздействие с целью изменения. Одновременно с этим каузативность объединяет полу- и эксплицитные перформативы в группу заговорных перформативных каузативов, различающихся лишь по способу каузации: в случае эксплицитных перформативов способом каузации становится речь или социальное действие; в случае полуперформативов иное, неречевое (как правило, физическое) действие.

2. В качестве иллокутивной цели полуперформативов выступает способ достижения основной цели заговора или цели типизированной, формульной части заговора (зачина, закрепка), что противопоставляет полуперформативы каноническим перформативам, выражающим

не способ, а саму цель речевого акта или всего заговора. Используя полуперформативный глагол, говорящий осуществляет действие, при помощи которого достигается цель. Между способом и целью при этом обнаруживается устойчивая метафорическая или метонимическая связь, отраженная и закреплённая в коллективных фольклорных представлениях.

3. Полуперформативы могут быть направленными на объект с целью его непосредственного изменения, что также отличает их от эксплицитных перформативов, для которых направленность на одушевленного участника коммуникации является неотъемлемой характеристикой.

Особым положением обладают глаголы *заговариваю*, *уговариваю*, *выговариваю* и пр., эксплицирующие коммуникативное намерение заговаривающего и обладающие направленностью как на адресата, так и на объект. Они занимают промежуточное положение между каноническими и полуперформативными глаголами. На примере этих глаголов мы наиболее ярко наблюдаем то, что ритуально-магическая речь перестает мыслиться как речь в собственном смысле этого слова и начинает восприниматься как действие в ряду других ритуальных действий: ограживания, закрытия, повреждения или изменения объекта и т.д.

Три выделенных критерия упрощают работу с заговорным материалом, позволяя, с одной стороны, расширить представление о заговорном перформативе, с другой стороны, провести границы между типами заговорных перформативных единиц для удобства последующего описания.

Библиографический список / References

Адоньева, 2005 – Адоньева С.Б. Конвенции ритуально-магических актов // Заговорный текст. Генезис и структура / Под ред. Л.Г. Невской, Т.Н. Свешниковой, В.Н. Топорова. М., 2005. С. 385–401. [Adonyeva S.B. Conventions of ritual magic acts. *Zagovornyi tekst. Genезis i struktura*. L.G. Nevskaya, T.N. Sveshnikova, V.N. Toporov (eds.). Moscow, 2015. Pp. 385–401. (In Rus.)]

Апресян, 1986 – Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Известия АН СССР. Сер.: Литературы и языка. 1986. № 3 (45). С. 208–223. [Apresian Yu.D. Performatives in Grammar and Lexis. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya literatury i yazyka*. 1986. No. 3. Pp. 208–223. (In Rus.)]

Арутюнова, 1981 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1981. [Arutjunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl* [The sentence and its meaning]. Moscow, 1981.]

Байудж, 2016 – Байудж М.И. Столкновение «городского» и «традиционного» дискурса о магических специалистах в украинском анклав Саратовской области (научный руководитель Е.Е. Левкиевская) // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции: Этнография, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 г. Новосибирск, 2016. С. 50–51. [Bajudzh M. The clash of “urban” and “traditional” discourse about magic specialists in the Ukrainian

enclave of the Saratov region (supervisor E.E. Levkivskaya). *Conference book of 54th International Scientific Student Conference: Ethnography, Novosibirsk, 16–20 April, 2016*. Novosibirsk, 2016. Pp. 50–51. (In Rus.)]

Бенвенист, 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. [Benveniste E. *Obshhaja lingvistika* [Problèmes de linguistique générale]. Moscow, 1974.]

Болонев и др., 1997 – Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: песни, заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск, 1997. [Russkiy kalendarno-obryadovyy folklor Sibiri i Dalnego Vostoka: pesni, zagovory [Russian calendar-ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs, conspiracies. F.F. Bolonev, M.N. Melnikov, N.V. Leonova (compilers)]. Novosibirsk, 1997.]

Бурдьё, 2005 – Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. [Bourdieu P. *Socialnoe prostranstvo: polja i praktiki* [Espace social : champs et pratiques]. St.-Petersburg, 2005.]

Войводич, 1999 – Войводич Д. О валентности перформативных глаголов в славянских языках // Сборник Матице српске за славистику. 1999. № 56–57. С. 71–94. [Voivodich D. On the valency of performative verbs in Slavic languages. *Zbornik Matitse srpske za slavistiku*. 1999. No. 56–57. Pp. 71–94. (In Russ)]

Завьялова, 2006 – Завьялова М.В. Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира. М., 2006. [Zavyalova M.V. *Balto-slavyanskii zagovornyi tekst: Lingvisticheskiy analiz i model mira* [Balto-Slavic charm text: Linguistic analysis and model of the world]. Moscow, 2006.]

Комлева, 2009 – Комлева Е.В. Функционирование директивного речевого акта в апеллятивном тексте (на материале современного немецкого языка) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. С. 118–125. [Komleva E. *Functioning of a directive speech act in appellative text (based on Modern German)*. *Izvestiya: Herzen University Journal Humanities & Science*. 2009. No. 90. Pp. 118–125. (In Rus.)]

Корди, 1985 – Корди Е.Е. Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами (на материале французского языка) // Типология конструкций с предикатными актантами / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1985. С. 187–194. [Kordi E.E. *Motivational meanings of constructions with causative and modal verbs (based on French)*. *Tipologiya konstruktii s predikatnymi aktantami*. V.S. Khrakovsky (ed.). Leningrad, 1985. Pp. 187–194. (In Rus.)]

Кошмидер, 1962 – Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида / Отв. ред. Ю.С. Маслов. М., 1962. С. 105–166. [Koszmider E. *Essay on the types of Polish verb. Synthesis experience*. *Voprosy glagolnogo vida*. Yu.S. Maslov (ed.). Moscow, 1962. Pp. 105–107. (In Rus.)]

Красина, 1999 – Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. [Krasina E.A. *Semantika i pragmatika russkikh performativnykh vyskazyvanii* [Semantics and pragmatics of Russian performative utterances]. Dr. Hab. diss. Moscow, 1999.]

Кустова, Падучева, 2003 – Кустова Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2003. С. 561–571. [Kustova G.I., Paducheva E.V. *Performative verbs in non-performative uses*. *Logicheskii analiz yazyka*. N.D. Arutiunova (ed.). Moscow, 2006. Pp. 561–571. (In Rus.)]

Левкиевская, 2002 – Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. [L'evkievskaya E.E. Slavyanskii obereg. Semantika i struktura [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow, 2002.]

Майков, 1869 – Майков В. Великорусские заклинания. СПб., 1869. [Maykov V. Velikorusskie zaklinaniya [Great Russian spells]. St. Petersburg, 1869.]

Михеев, 2003 – Михеев М.Ю. Перформативное и метатекстовое высказывание, или Чем можно испортить перформатив? // Логический анализ языка / Под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2003. С. 251–260. [Mikheev M.Yu. Performative and metatext utterance. *Logicheskii analiz yazyka*. N.D. Arutiunova (ed.). Moscow, 2006. Pp. 251–260. (In Rus.)]

Мороз, 2012 – Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / Отв. ред. А.Б. Мороз. М., 2012. [Znatki, veduny i chernoknizhniki. Koldovstvo i bytovaia magiia na russkom Severe [Enchanters, wizards, warlocks: Witchcraft and household magic in the Russian North]. A.B. Moroz (ed.). Moscow, 2012.]

Мощева, 2015 – Мощева С.В. Подходы к исследованию интенциональности речевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 5. С. 37–42. [Moshcheva S.V. Approaches to the study of intentionality in speech behavior. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2015. No. 5. Pp. 37–42. (In Rus.)]

Неклюдов, 2019 – Неклюдов С.И. Постфольклор в пространстве городской культуры // Понимая город: коммуникация с пространством, временем и людьми. Материалы XIX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии, Москва, 29 апреля – 5 мая 2019 г. М., 2019. С. 45. [Neklyudov S. Post-folklore in the space of urban culture. *Ponimaya gorod: kommunikaciya s prostranstvom, vremenem i lyudmi*. Conference book of XIX international conference of folklore and cultural anthropology, Moscow, 29 April – 5 May, 2019. Moscow, 2019. P. 45. (In Rus.)]

Новый словарь синонимов – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена, 2004. [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Yu.D. Apresyan (ed.). Moscow; Vienna, 2004.]

Проскурин, 2011 – Проскурин С.Г. К вопросу о тематической сети языка и культуры: Древние перформативы, космос и римское право // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 24–30. [Proskurin S. On the issue of the thematic network of language and culture: Ancient performatives, space and Roman law. *Kritika i semiotika*. 2011. No. 15. Pp. 24–30. (In Rus.)]

Романов, 1984 – Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Сб. научных тр. Калинин, 1984. С. 86–93. [Romanov A.A. Pragmatic features of performative utterances. *Pragmatika i semantika sintaksicheskikh edinic*. Kalinin, 1984. Pp. 86–93. (In Rus.)]

Романов, 1987 – Романов А.А. Перформативный глагол и иллокутивная функция высказывания // Прагматические условия функционирования языка: Сб. научных тр. Кемерово, 1987. С. 3–10. [Romanov A. The performative verb and the illocutionary function of the utterance. *Pragmatische uslovija funkcionirovaniya jazyka*. Kemerovo, 1987. Pp. 3–10. (In Rus.)]

Романов, 2006 – Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Мир лингвистики и коммуникации. 2006. № 2. URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_1_02.htm (дата обращения: 19.05.2020). [Romanov A.A. Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialog text. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. 2006. No. 2. (In Rus.). URL: http://tverlingua.ru/archive/002/02_1_02.htm (date of access: 19.05.2020)]

Романов, Романова, Федосеева, 2013 – Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. М., 2013. [Romanov A.A., Romanova L.A., Fedoseeva E.G. *Performativnye ritualnye акты sakralnoi kommunikatsii* [Performative ritual acts of sacred communication]. Moscow, 2013.]

Романова, 2001 – Романова Е.Г. Перформативы в ритуальных актах суггестивной коммуникации. М., 2001. [Romanova E.G. *Performativy v ritualnykh aktakh suggestivnoi kommunikatsii* [Performatives in ritual acts of suggestive communication]. Moscow, 2001.]

Россолова, 2011 – Россолова О.А. Перформатив как показатель адресованности высказывания // Вестник КРАУНЦ. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (дата обращения: 19.05.2020). [Rossolova O.A. Performative as an indicator of utterance addressness. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2011. No. 1 (17). (In Rus.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/performative-as-an-indicator-of-utterance-addressness> (date of access: 19.05.2020)]

Сёрль, 1987 – Сёрль Дж.Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / Под ред. Д.П. Горского, В.В. Петрова. М., 1987. С. 96–126. [Searle J.R. The nature of intentional states. *Filosofiya, logika, yazyk*. D.P. Gorskii, V.V. Petrov (eds.). Moscow, 1987. Pp. 96–126. (In Rus.)]

Топоров, 1993 – Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 3–104. [Toporov V. On the Indo-European charm tradition (selected chapters). *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kultury. Zagovor*. Moscow, 1993. Pp. 3–104. (In Rus.)]

Топа, 2014 – Топа В.И. Перформативные основания лирики // XLII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. СПб., 2014. С. 306–312. [Tjupa V. The performative basis of lyrics. *XLII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2013 g.: Izbrannye trudy*. S.I. Bogdanov, Ju.V. Menshikova (eds). St.-Petersburg, 2014. Pp. 306–312. (In Rus.)]

Христофорова, 2010 – Христофорова О.А. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М., 2010. [Khristoforova O.A. *Kolduny i zhertyvy: Antropologiy akoldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and victims: Anthropology of witchcraft in modern Russia]. Moscow, 2010.]

Христофорова, 2012 – Христофорова О.Б. О «чертовых воротах», присыпанной соли и «шарфике невезения», или Магические практики в современном городе // Тезисы и материалы Международной школы-конференции

по фольклористике и культурной антропологии, Москва – Переяславль-Залесский, 27 апреля – 02 мая 2012 г. / Сост. А.С. Архипова, С.Ю. Неклюдов, Д.С. Николаев. М.; Переяславль-Залесский, 2012. С. 426–427. [Hristoforova O. About “damn gate”, spilled salt and “bad luck scarf”. Magical practices in a modern city. *Tezisy i materialy Mezhdunarodnoy shkoly-konferentsii po folkloristike i kulturnoy antropologii, Moskva – Pereyaslavl-Zalesskiy, 27 aprelya – 02 maya 2012 g.* A.S. Arhipova, S.Yu. Neklyudov, D.S. Nikolaev (eds.). Moscow; Pereslavl-Zalessky, 2012. Pp. 426–427. (In Rus.)]

Четыркина, 2002 – Четыркина И.В. Перформативность как универсальная черта текстов прагматической направленности (на материале древнегерманских заговоров и современных рекламных текстов) // Сфера языка и прагматика речевого общения: Междунар. сб. научных тр. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 226–232. [Chetyrkina I. Performativity as a universal feature of pragmatic texts (on the basis of ancient germanic charms and modern marketing texts). *Sfera jazyka i pragmatika rechevogo obshhenija*. Krasnodar, 2002. Vol. 1. Pp. 226–232. (In Rus.)]

Шехнер, 2020 – Шехнер Р. Теория перформанса. М., 2020. [Schechner R. *Teorija performansa [Essays on performance theory]*. Moscow, 2020.]

Шустова, 2010 – Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь, 2010. [Shustova S.V. *Funktsionalnye svoistva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod [Functional properties of causative verbs: A dynamic approach]*. Perm, 2010.]

Ягодкина, 2019 – Ягодкина М.В. Мемы в интернет-коммуникации // Art Logos. 2019. № 2 (7). С. 142–152. [Jagodkina M. Memes in Internet Communication. *Art Logos*. 2019. № 2 (7). Pp. 142–152. (In Rus.)]

Amrhein, 1992 – Amrhein P.S. The comprehension of quasi-performative verbs in verbal commitments: New evidence for componential theories of lexical meaning. *Journal of Memory and Language*. 1992. Vol. 31. No. 6. Pp. 756–784. DOI: 10.1016/0749-596x(92)90038-y.

Hlebec, 2015 – Hlebec B. Lexical definition of some performative verbs. *Studia Anglica Posnaniensia*. 2015. Vol. 50. No. 1. Pp. 27–44. DOI: 10.1515/stap-2015-0015

Ilomäki, 2019 – Ilomäki H. Oral charms, literal notes. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Jones, Olsan, 2015 – Jones P.M., Olsan L.T. Performative rituals for conception and childbirth. *England Bulletin of the History of Medicine*. 2015. Vol. 89. No. 3. Pp. 406–433. DOI: <https://doi.org/10.1353/bhm.2015.0076>

Mirecki, Meyer, 2002 – Magic and Ritual in the Ancient World. P. Mirecki, M. Meyer (eds.). Leiden; Boston; Köln, 2012.

Nicolíć, 2019 – Nicolíć D. Rational argumentation in irrational discourse: Argumentative techniques of verbal charms and folk prayers. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Strother, 2000 – Strother Z.S. From performative utterance to performative object: Pende Theories of speech, blood sacrifice, and power objects. *Journal of Anthropology and Aesthetics*. 2000. Vol. 37. Pp. 49–71.

Viljakainen, 2011 – Viljakainen M. How Miina Huovinen’s incantations are structured. *Oral Charms in Structural and Comparative Light: Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research’s (ISFNR) Committee on Charms, Charmers and Charming. 27–29 October 2011, Moscow*.

T.A. Mikhailova, J. Roper, A.L. Toporkov, D.S. Nikolaev (eds.). Moscow, 2011. Pp. 201–207.

Vukelić, 2019 – Vukelić D. Micro-analysis of Uroci (evil charms and spells) in the Croatian tradition. *Charms and Charming. Studies on Magic in Everyday Life*. É. Pócs (ed.). Ljubljana, 2019. Pp. 69–86.

Статья поступила в редакцию 29.05.2020

The article was received on 29.05.2020

Об авторе / About the author

Куликовская Екатерина Николаевна – аспирант кафедры русского языка и литературы филологического факультета; старший преподаватель кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Пушкин

Ekaterina N. Kulikovskaya – postgraduate student at the Department of Russian Language and Literature of the Faculty of Philology; lecturer at the Department of Advertising and Public Relations, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1489-3562>

E-mail: kulikovskaya.eka@yandex.ru